

«ПРИНЦИП ПОДВИГА». АЛЕКСЕЙ ЗОЛОТАРЁВ В РЫБИНСКЕ

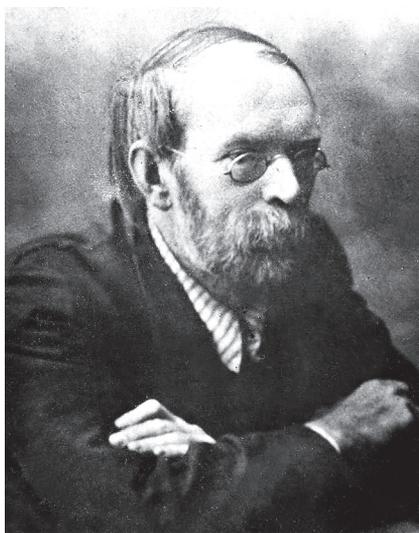
Евгений ЕРМОЛИН

Новая эпоха, начавшаяся в октябре 1917 года, застала Алексея Золотарёва пребывающим в сложном сплетении противоречивых мыслей и чувств. В первые советские годы ему пришлось принять ответственные решения.

«Век мой, зверь мой, кто сумеет Заглянуть в твои зрачки И свою кровью склеит Двух столетий позвонки?» – эти строки Мандельштама вспоминаешь, оценивая путь Золотарёва по катастрофической эпохе.

...Остались в далёком прошлом его религиозные сомнения и увлечение марксизмом и другими модными идеями эпохи. «Перестали удовлетворять немецкие истолкования социализма, пересаженные на русскую почву... Мне стало душно в этом понимании». Ещё весной 1914 года он вернулся из-за границы в Россию, в Рыбинск – уже не пытаясь открыто фрондировать и воздерживаясь от резких публичных высказываний. Он освежил в себе веру и укоренился в ней. Вскоре началась война, и Золотарёв находит в себе готовность стать государственным, даже если государство куда не годится. Он, как пишут, «занял оборонческую позицию», то есть не считал, как Ленин и Троцкий, что нужно желать России поражения ввиду царящего в ней тотального мракобесия.

Знаками нового настроения, новых убеждений становятся земско-просветительская работа и религиозная активность в родном городе, в духе движения религиозной общественности, которое тогда сильно о себе заявляло в столицах, но совсем почти не давало о себе знать в рыбинской провинции. Золотарёв участвует в создании в Рыбинске 22 сентября 1914 года христианского религиозно-фило-

софского кружка. 20 мая 1916 года он был преобразован в религиозно-философское общество, по петербургскому образцу. Обществ таких в России было лишь восемь, два из них – в Рыбинске и Ярославле. Но, наверное, ни одно другое из них не было создано сплошь бывшими атеистами-социалистами. Инициаторами создания рыбинского общества были также Василий Благовослов – когда-то (1883 г.) организатор самого первого в России социал-демократического кружка, – а также

социалист-патриот, беллетрист и журналист Владимир Измайлов.

В обществе было 35 членов, проводились как кружковые встречи, так и публичные заседания. На одном или двух из них выступал питерский религиозный философ Александр Мейер. Алексей Золотарёв был душой этого философского кружка. В 1914 году он впервые перевёл на русский язык трактат великого еретика Джордано Бруно «Изгнание торжествующего зверя» и читал главы из этой книги на заседании кружка. Кроме этого, он выступил с докладами «Лермонтов и религиозная стихия в его поэзии», «Святая Русь», «Владимир Соловьёв и его предчувствие антихриста».

Кульминация публичной общественной и религиозной активности Золотарёва – начало и середина 1917 года. Ему 37 лет, начинается новая жизнь. Он с восторгом приветствовал крушение замшелого царизма, вступает в партию кадетов и занимается политической публицистикой, декларируя необходимость и неизбежность социального и церковного обновления. В это время Золотарёва выбирают в числе трёх участников от мирян Ярославской епархии на Поместный собор Православной Российской Церкви.

Евгений ЕРМОЛИН родился в 1959 году в Архангельской области. Закончив факультет журналистики МГУ, он с 1981 года работает в ярославских СМИ, а с 1989 года преподаёт в Ярославском госуниверситете: Е. Ермолин – заведующий кафедрой журналистики, профессор. Он также главный редактор электронной версии журнала «Континент» (Москва – Париж). Живёт Евгений Анатольевич в Ярославле и Москве.

Алексей Золотарёв.

А.А. Золотарёв в Рыбинском музее на фоне картины художника В.Д. Орловского. Фото 1928 г.

Здесь ждали его первые разочарования. На соборе, как можно предположить, Золотарёв во многом разделял убеждения своих земляков и давних друзей-братьев – епископа Андрея Ухтомского и единоверческого представителя Алексея Ухтомского. Епископ Андрей утверждал, что Поместный собор не смог решить кардинальных проблем церковного строительства. Он называл большинство членов Собора «глухими, слепыми и немymi», пропустившими мимо себя величайшие события в истории. Собор почти не реагировал на политические и общественные перипетии, ограничившись обращениями к различным властям и уйдя в решение частных вопросов. Он чуть позже писал Золотарёву: «Ах, как мне хотелось бы... поработать над созданием моей уфимской христианской ассоциации! – Ведь мы уже старики теперь, – вот бы вместе начать святое дело – христианизации жизни. – А от Собора 1917 г. я совсем отрёкся, – это соборичье было очень глупое. – И та благочестивая просвирня, которая ныне возглавляет нас, – пока <нрзбр.> ничего не сделала».

Ему вторил Алексей Ухтомский, который так оценивал ход Собора: «Самое главное, на мой взгляд, что должен был сделать Собор, – это восстановление и утверждение народно-соборного начала в Церкви – того самого, которое даёт силы старообрядческим общинам и которое было обругано и изгнано господствующей церковью при Никоне. На Соборе оказались довольно крупные силы – из мирян по преимуществу, – ратовавшие за это... Но официальные заправилы церкви, с владыками и миссионерами во главе, отнюдь не расположены что-либо изменять в отношении церковного народа; наоборот, спасение видится ими всё ещё в обеспечении и монополизировании власти у иерархий; слышатся чьи-то католические мотивы – которых так боялись старые славянофилы, – что иерархи и есть исключительно «поучающая церковь», тогда как народу остаётся только слушать, чему его учат попы и архиереи... И это говорится у нас, в русской церкви, где лучший богослов был светский человек – А.С. Хомяков».

Золотарёв потом вспоминал, что епископ Андрей «считал делом первейшей необходимости укрепление прихода, создание по образцу англиканской Церкви сильных христианских ячеек-общин вокруг св<оего> приходского храма. Возрождение прихода это была

его излюбленная идея, к<оторую> он всячески стремился обосновать и «защитить» при начавшемся оживлённейшем обмене мнений в церковной среде и печати в связи с ожиданием будущего Церковного Собора. На Соборе епископ Андрей занял даже св<ое> собственное место, создал св<ою> собственную партию, суть к<оторой> сводилась к немногим ясно и чётко поставленным положениям: во 1, возможно скорее восстановить и утвердить патриаршество в Русской церкви, во 2, сейчас же возвратиться к себе домой на места, ибо и малая атомная единица Церкви приход и большая её составляющая сила епархия во время океанской качки современной требует себе надёжных защитников св<оего> дела и опытных кормчих. Чувствовали глубокий завещанный от предков исторический опыт в его словах, когда он торопился втолковать Собору, к<оторый> в лице многих и многих св<оих> участников готов был сосредоточиться на текущих церковно-общественных делах вроде конкр. бытовой русского православного духовенства комиссии».

В итоге все трое были весьма разочарованы, а Золотарёв с присущей ему пунктуальной честностью в

какой-то момент просто-напросто сложил с себя полномочия члена Собора и вернулся в Рыбинск.

Октябрь 17-го и последующие события были восприняты им как катастрофа. И социальная, и религиозно-церковная. Причём он мыслил в масштабе страны, в масштабе мирового. Но наблюдая конкретные процессы в родном городе. Рыбинск от месяца к месяцу погружался в хаос. Были не просто разрушены экономические основы его процветания, но и люди, составлявшие цвет рыбинского общества, рыбинской культуры за редким исключением или покинули город, или были репрессированы. По словам Золотарёва, «большинство пребывало ни в тех, ни в сех, не зная, что думать,

Протоиерей
 А.А. Золотарёв.
 Фото 1899 г.

Братья Золотарёвы.
 Слева направо:
 Алексей, Николай,
 Давид, Сергей. Фото 1904 г.

А.А. Золотарёв
на острове Капри.
Фото 1913 г.

Писатель и журналист
Георгий Устинов.
Фото 1920-х гг.

что делать, куда приклонить свою горемычную голову»... Мрачной кульминацией этой волны стали массовые сентябрьские расстрелы 1918 года – акции «красного террора».

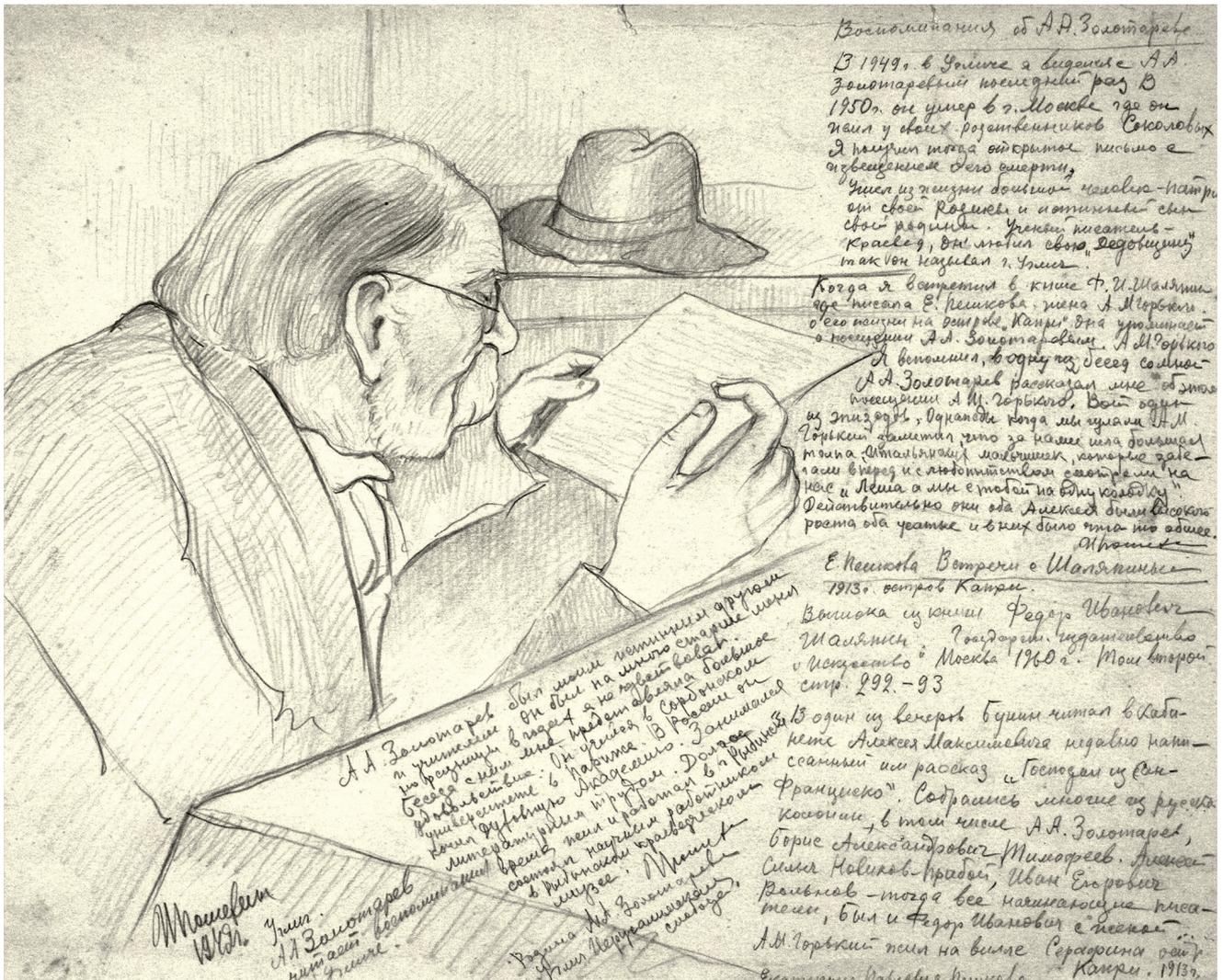
Вскоре после Октябрьского переворота Золотарёв горестно констатировал, что «страшная тень от массовых расстрелов и казней легла на всю страну и закрыла от нас Европу».

При этом, памятуя о своём революционном прошлом, да и вообще о долге русской интеллигенции, он ощущал себя ответственным за то, что случилось в России. Вспоминая много позже слова матери, сказанные на рубеже 1910–1920-х годов («Лёня! Лёня! Какую жизнь вы нам создали! А я-то мечтала, что всем свободно и привольно будет!»), он признавался: «Эти слова ласкового укора жгут и сейчас моё сердце».

Золотарёв решает не покидать Рыбинск. Здесь живут его престарелые родители, отец продолжает служить в соборе, здесь семейные его корни, которые, как он заново понимает, страшно много для него значат. Почти всё. Он много раз будет потом возвращаться к той мысли, что именно семья – это здешний, посюсторонний эдем, именно она – лучшее, что есть в жизни, возможно даже – спасение России. Парадоксально, что чем дальше, тем больше ему-то самому не придётся вкушать семейные радости. Точнее, от понимания семьи с родителями, сестрой и братьями он, кажется, перейдёт к расширенному её восприятию как братской общины, связанной дружескими узами (как это было отчасти на Капри, как это было с рыбинскими друзьями и коллегами). Но это произойдёт не скоро, да и такая община нечасто

будет случаться в дальнейшей его жизни.

Рыбинский знакомый Золотарёва по досоветским временам, известный журналист раннесоветского времени Георгий Устинов в самом конце 20-х годов приехал навестить Рыбинск и встретился с Золотарёвым. Он писал в очерке для журнала «Красная новь»: «Старый рыбинец и писатель Алексей Алексеевич Золотарёв и я – оба мы стоим у берегового поручня, вспоминаем такое ещё недавнее и такое далёкое прошлое Рыбинска и горюем об его «упадке». Под ногами у нас ямы проваливающейся и сползающей в Волгу набережной: огромные камни и каменные плиты, режа, спустились вниз, почти к самому прибою, решётка накренилась, отдельные звенья печально легли на тротуар или повисли над обрывом. Бюджет у города маленький, откомхоз не

может найти средств на ремонт набережной, оползень, усиливающийся с каждым годом, грозит всей береговой части города катастрофой... Рыбинск не в силах перепрыгнуть свой «твёрдый бюджет»...»

Хаосу и бреду реальности Золотарёв решает противопоставить сосредоточенную культурную работу. Он, пожалуй, подписался бы под словами Осипа Мандельштама, говорившего о необходимости внести гуманитарные начала в варварское лихолетье XX века.

«В отношении к этому новому веку, огромному и жестоковьюному, мы являемся колонизаторами. Европеизировать и гуманизировать двадцатое столетие, согреть его теологическим теплом – вот задача потерпевших крушение выходцев девятнадцатого века, волею судеб заброшенных на новый исторический материк.

И в этой работе легче опереться не на вчерашний, а на позавчерашний исторический день».

Так писал Мандельштам в статье 1922 года «Девятнадцатый век». И это его соображение внезапно

многое объясняет в том, чем занимался в Рыбинске 1920-х годов Золотарёв.

Рыбинская исследовательница О. Тишинова писала о Золотарёве (цитируя его фразы): «Воспитанный в любви к ближнему, дому, малой родине, он неустанно трудился на поприще краеведения. «Мы <...>, унаследовавшие в своём мировоззрении религиозную веру своих отцов, <...> органически кровно были связаны со своим краем, <...> изучение края лежит у нас в подсознании, <...> оно внутренне сродно нам, [оно есть] достояние нашего духа, и ничем его не выбьешь из нашего сердца». Именно благодаря Алексею Золотарёву в Рыбинске были созданы историко-художественный музей, центральная городская библиотека и архив, оказались спасёнными тысячи произведений искусства из дворянских и купеческих усадеб, многие историко-архитектурные памятники, в том числе Спасо-Преображенский собор».

Всё так. Но дело не только в любви к родному краю. Дело ещё в открывшейся Золотарёву историче-

ской миссии русского интеллигента в катастрофическую эпоху крушения всех основ, обесценивания человеческой жизни, утраты религиозной веры.

Связать «своею кровью» позвоночки столетий, и даже не двух, как у Мандельштама, а на всю протяженность исторической России. России христианской, европейской, гуманистической. Вот задача ответственного российского гуманитария. Так её представлял Золотарёв.

У него был хорошо настроенный философский ум. И была своя версия смысла бытия, смысла человеческой жизни. Он полагал, что мир эволюционирует в сторону всё большего совершенства. К нескончаемому участию в процессе совершенствования вселенского бытия, был убеждён Золотарёв, призвано и человечество. Мировой План требует от каждого из людей послушания совершеннейшей воле и непрестанного усилия во имя его осуществления: закон эволюции мира – «это принцип подвига, постоянного упражнения своих сил в известном направлении. Это то самое воспитание, то человекотвор-

чество, о котором с таким восторгом как о преображающем человека средстве говорят основоположники монашества, египетские подвижники II и III веков».

Можно сказать, что Золотарёв практиковал этот самый «принцип подвига» в Рыбинске 1920-х годов. Наподобие древних египетских монахов-аскетов.

Он был ключевой фигурой в культурной жизни Рыбинска. Участвовал в работе по сохранению

памятников истории и культуры, в создании картинной галереи и художественной библиотеки при ней... Руководил вроде бы даже местным отделом народного образования.

Георгий Устинов, встретившийся с Золотарёвым на Волжской набережной, свидетельствует: «На набережной увеличилась толпа гуляющих: интеллигентная молодёжь, рабочие, степенные учителя, врачи, клубные работники, советские служащие – все, кто имел хоть однажды соприкосновение с А.А. Золотарёвым, проходя мимо нас, кланялся ему, дружелюбно улыбаясь, иногда о чём-нибудь спросят, и чтобы не мешать нашей беседе, торопливо жмут нам руки и идут дальше. А.А. Золотарёва знает весь культурный и просвещенческий Рыбинск. Упорством и усили-

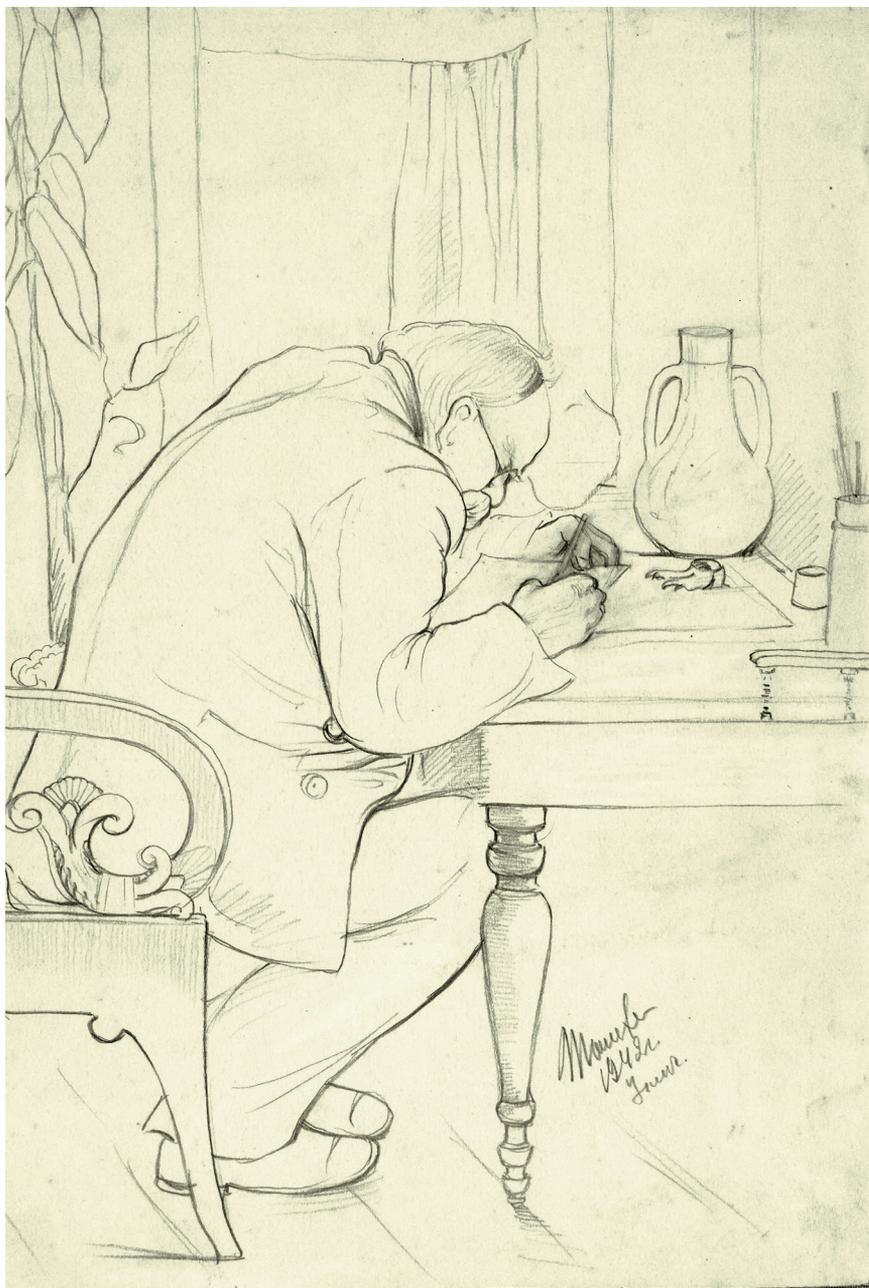
ми этого человека в революционное время создана и сохранена одна из лучших библиотек СССР, имеющая свыше 100 тысяч томов научных и художественных произведений мировой литературы. В сущности, это даже и не библиотека, а книгохранилище. В годы гражданской войны, разрухи и голода, когда нужны были винтовки и хлеб, а не книги, А.А. Золотарёв создавал эту ценнейшую сокровищницу человеческой мысли. Он с величайшим упорством отстаивал каждую книгу, которую требовали у него «для нужд такого-то учреждения», выдавал только такие, которых в его распоряжении было по несколько экземпляров. Персонал библиотеки, как и сам А.А. Золотарёв, работал почти безвозмездно».

Настоящим центром культурной жизни в городе стало Рыбинское научное общество. В 1918–1930 годах Золотарёв был председателем общества, в котором кипела разнообразная работа. В частности, именно членам общества пришлось включиться в регистрацию и приведение в порядок реквизированных новой властью книг и художественных ценностей, изъятых из окрестных помещичьих имений и домов рыбинского купечества. Изъятых у владельцев книг, как известно, оказалось так много, что появилась возможность создать библиотеку-книгохранилище, названную именем III Интернационала (позднее она была переименована в библиотеку имени Энгельса). «Собственность есть кража», как говаривал Прудон... Устинов свидетельствовал и о другом: Золотарёв отдал в библиотеку свою коллекцию: «Золотарёв ещё и сейчас не потерял связь со многими европейскими писателями и учёными. Высланный царским правительством «за неблагонадёжность», он несколько лет жил за границей – в Париже, в Италии, у него сотни писем от лучших людей Европы, десятки писем от М. Горького, с которым они очень дружили, когда жили вместе на Капри, множество книг с надписями авторов. Все эти письма и книги А.А. Золотарёв не захотел хранить у себя, он отдал их созданной им библиотеке, открыв ими постоянно теперь пополняющийся «отдел автографов».

Вероятно, в отношениях с местными советскими властями ему до поры до времени помогал его давно внутренне избытое революционное прошлое, бывшая «неблагонадёжность». Ему прощали даже неправильное происхождение. Вероятно, имела значение и поддержка его Николаем Морозовым, земляком,

И.Н. Потехин. А.А. Золотарёв за чтением писем и тексты фрагментов воспоминаний о нём. 1949 г.

И.Н. Потехин. А.А. Золотарёв за письменным столом. 1949 г.

Георгиевское кладбище. Фото начала XX в.

бывшим революционером-народовольцем, имевшим репутацию патриарха революционного движения в России. Да и трудно было довольно дюжинным, но не лишённым здравого смысла людям, вроде К. Бухарина, сопротивляться обаянию личности Золотарёва, который, по словам его биографа В. Хализева, «имел прочную репутацию праведника <...>. Для круга друзей, родственников, многочисленных учеников Золотарёв стал личностью легендарной. Воспоминания о нём передаются от поколения к поколению как устное предание. <...> мне неоднократно доводилось встречаться с людьми, которые знали и хорошо помнят Алексея Алексеевича. И едва ли не каждый раз, слушая их рассказы, я наблюдал, как светлеют лица, а голоса проникаются благодарными интонациями. Ряд мемуаров и писем свидетельствует, что общение с Золотарёвым направляло жизнь людей, порой определяя их душевный настрой и духовные судьбы». (На труды Хализева, замечу, опирается ныне любая, кто пишет о Золотарёве.)

В 1923 году Золотарёв был избран членом-корреспондентом московского Центрального бюро краеведения, печатался в его органах. Редактировал «Известия Рыбинского научного общества» и краеведческое издание «Родной край», первые путеводители по Рыбинску

1928 и 1929 годов. Организовывал ежегодные краеведческие съезды.

Собственно в деталях про это предметное наполнение его трудов уже много написано и сказано. Мне важнее выявить, нащупать внутреннюю мотивацию Золотарёва, понять, что его вдохновляло в крайне сложной исторической ситуации, когда историческая Россия казалась уже «за шеломянем еси».

Думается, его краеведческая деятельность – это попытка в конкретном месте, в реальной точке пространства реанимировать живую, органическую ткань исторической жизни. Разбудить остолбеневший от репрессий Рыбинск, пробудить его к жизни. К этому стоит добавить, что по своим социальным убеждениям Золотарёв был федералистом, считавшим, что централизация в России сковывает духовные силы народа, что Россия прибывает провинцией, точнее – самобытными регионами, территориями автономного развития, и в истории всегда есть шанс внести важную поправку...

Самобытность Рыбинска для Золотарёва – и в его православии, и в его космополитизме. Памятуя наверняка об огромной роли евреев в жизни старого Рыбинска, он рассуждал при Устинове, с чьих слов я и цитирую: «Два народа веками искали друг друга, – задумчиво говорит Золотарёв, протирая платком очки, целые века они стремились к соединению...

«Богом избранный» еврейский народ и «наша святая Россия» – всегда тяготели друг к другу и всегда разные внешние причины мешали их соединению. Как две искры, блуждали они в пространстве, ища друг друга, чтобы соединиться и возжечь великое пламя, которое очистит жизнь».

И вот именно в этой точке его мыслей и чувств родился у него, вполне органически, проект музея. Музея – как центра науки, знаний, но и как средства связи настоящего с прошлым.

По старой памяти М. Горький интересовался работой своего старого каприйского друга. Он расспрашивал директора ярославского музея М. Бабенчикова: «Ну, а в Рыбинске как? Что Алексис Золотарёв подделывает? Всё музеем, поди, занят? Доброе дело затеял. Труженик он, что и говорить. Чистой души человек. Это я его Алексисом любя зову. Он ведь в Сорбонне обучался. И волжанин, и парижанин в одном лице...».

Вот и ответ.

Как известно, основой для создания историко-художественного музея были картины, художественный фарфор, старинная мебель и другие предметы искусства и старины, реквизированные у местной знати и купцов. Шлейф былого. По сути, музей являлся (и по сию пору является) своего рода мавзолеем, средоточием памяти о блеске и нищете старого Рыбинска, о замечательных и ярких

людях, которые связаны с ним и его округой.

«Много ли в нас благодарности к нашему прошлому? Уж не потеряли ли мы права величаться нашими отчествами?», – задавался Золотарёв вопросом, адресованным явно не только себе. Основой полноценного и осмысленного человеческого бытия он представлял «союз живых и умерших», союз, иницируемый устным преданием, письменными текстами (летописания, жития, мемуары),

На набережной увеличилась толпа гуляющих: интеллигентная молодёжь, рабочие, степенные учителя, врачи, клубные работники, советские служащие – все, кто имел хоть однажды соприкосновение с А.А. Золотарёвым, проходя мимо нас, кланялся ему, дружелюбно улыбаясь, иногда о чём-нибудь спросят, и чтобы не мешать нашей беседе, торопливо жмут нам руки и идут дальше. А.А. Золотарёва знает весь культурный и просвещенческий Рыбинск. Упорством и усилиями этого человека в революционное время создана и сохранена одна из лучших библиотек СССР, имеющая свыше 100 тысяч томов научных и художественных произведений мировой литературы.

а также «в молитвах и таинствах». (Здесь Золотарёв отчасти близок и к философу Николаю Фёдорову, учившему воскресению отцов усилием духовным сыновей. Фёдорова он считал одним из своих предшественников-учителей.)

Сын кладбищенского священника, он с малолетства знал, что такое смерть. Но знал и про жизнь вечную. Характерен реализованный им в слове личный проект музея – грандиозная книга «Campro Santo моей памяти. Образы усопших в моём сознании» – 497 очерков о людях, которых он знал.

Campro Santo – кладбище. Святое поле. Юдоль усопших до воскресения. Золотарёв писал: «Каждая такая заметка не только служит вечной памяти усопших, но и даёт мне самому душевную ясность и целебную силу для жизненного подвига... Я должен сказать слова благодарности этим восьми томам моего «Campro Santo». Книги эти, вмещающие мои траурные заметки, постепенно переоспывают меня в сторону большей внимательности, заботы о людях и любви к ним <...>. Бог не есть Бог мёртвых, а Бог живых, и вот я знаю в себе чудо оживления, воскресения, преобразования лика и образа тех лиц, что умерли, но с чьей смертью не примирилась моя память».

Вот, к примеру, золотарёвские слова из поминального очерка о рыбинском печнике: «Я <...> заразился устойчивостью и энергией у <...> дяди Миши,

мастера своего печного дела... Ведь по существу именно такими людьми упорного, непрерывного труда, наследственно воспринятого от отцов и дедов, держится всякая культура. Стоило мне, бывало, поглядеть на дядю Мишу, и я, точно внутренне встряхиваясь, забывал своё горе и точно так же, как он, не борясь, но зато упорно-упорно брался за свою безвидную работу... Спасибо дяде Мише на этом примере. Да будет ему вечная память!».

...Без этой памяти о культуре, о духовном опыте не будет будущего. А думать о нём приходилось. «История беременна великими делами будущего, и рождение идёт не без труда для всех нас...». В статье об итогах семи рыбинских краеведческих съездов в журнале «Краеведение» (№ 1, 1927) Золотарёв писал: «Мы, ярославцы, по-прежнему думаем, что одна из главных задач краеведения в том, чтобы сделать новым Ломоносовым дорогу от Архангельска на Москву, путь жизни от деревенского грамотея до академика, гораздо более скорым и торным, чем он был два столетия назад». За этой фразой – идея культурного роста, основанного на прочных духовных корнях.

Интересно описывает Георгий Устинов образ жизни Золотарёва в Рыбинске: «Он ежедневно поднимается в шесть, завтракает, уходит из дома и возвращается только к обеду – к 6-7 часам вечера. После обеда немного отдыхает, потом уходит на различные собрания и заседания и возвращается в 1-2 часа ночи... И никогда не жалуется ни на усталость, ни на плохую обстановку для работы, хотя бы и имел на это право: рыбинские головоотяпы уплотнили этого крупнейшего учёного и культурного работника в его квартире, оставив ему и его семье всего лишь две комнатки, вселив в остальные две каких-то жильцов...».

Апологетический очерк столичного

журналиста, однако, Золотарёву не помог (да и сам Устинов к тому времени революционер без революции, через три года он покончит с собой в преддверии неизбежного ареста, как явный троцкист).

Свой век Золотарёв характеризовал как время максимальной активности онтологического зла – как эпоху торжества «разладицы и отщепенства», жестокости и безумия: «На пути объединения в Христе, быть может, резче, чем когда-либо, встало объединение антихристовых сил». И личная миссия Золотарёва, связанная с подвижничеством на ниве рыбинской культуры, прервалась на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Началось для него время суровых испытаний и бедствий. «Живу не здоровьем, а смелостью», – иной раз повторял он слова покойной матери.

«Боже! Боже! Как невыразимо грустно погибают, помирают сейчас русские исконные люди. Нет сил. Нет слов рассказать об этом как следует», – писал Золотарёв о священнике Петре Судьбине – но и не только о нём...

«Перебирал свой архив и грустил вместе со своими адресатами. И думал: какие острые флюиды несутся от моих писем и как полезно иногда уничтожать письма, уменьшая тем самым количество скорби в мире», – печально шутил он.

Но послание его не утрачено и дело его не пропало – хочется верить, да и нельзя не верить – на земле, которую он любил особой любовью, в рыбинских и угличских местах, о которых он писал в письме Е.П. Пешковой незадолго перед смертью, из последней своей поездки по родным волжским местам: «Гляжу не нагляжусь знакомыми с детства угличскими пейзажами, дышу не надышусь родимых спеющих и ещё не скошенных трав и цветов. Облёгся в Вашу белую рубашечку ж щедоляю, греясь на солнышке в те недолгие часы, что позволяет сменившая жару ненастная погода... (во время дождей) читаю Пушкина: и «Повести Белкина», и «Арап Петра Великого», и «Дубровского», – сладко баюкаясь в историческом прошлом нашего народа. Удаётся много писать и ещё больше многое и о многом думать».

Когда-то Золотарёв писал о друге, академике Ухтомском: в Рыбинске «ещё стоит благодатный аромат его святой души, прошедшей много счастливых трудовых и молитвенных дней в тиши и уюте своего Зачерёмушного домика на Выгонной улице». Есть в городе и некое веянье, напоминающее нам о самом Алексее Золотарёве. Великом рыбинце. •